

Тебя злой духъ, гласить преданье,
 Построилъ дерзостной рукой,
 Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
 Забыть межъ небомъ и землей.
 Здѣсь, три столѣтъя очарованъ,
 Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
 Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
 Стрѣлой Пророку угрожалъ.
 Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
 Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
 Тропинка желтая прорыта
 Слезой отчаянья по ней;
 Она ни мохомъ, ни кустами
 Не зарастаетъ никогда;
 Пестрѣя чудными слѣдами,
 Она ведетъ Богъ вѣсть куда.
 Омень съ вѣтвистыми рогами,
 Между высокими цвѣтами,
 Одѣтый хмѣлемъ и плющемъ,
 Лежитъ полуобъятый сномъ;
 И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
 И чувствуетъ близкаго врага:
 Поднявши медленно рога,
 Минуту свѣжестью подышать,
 Росу съ могучихъ плечъ стряхнуть,
 И вдругъ однимъ прыжкомъ махнуть
 Черезъ утесъ—и вотъ онъ мчится,
 Терновъ колючихъ не боится
 И хмѣль коварный грудью рветъ—
 Но, вольный путь пересѣкая,
 Предъ нимъ тропинка роковая...
 Никѣмъ незримая рука
 Царя лѣсовъ останавливаетъ,
 И онъ, какъ гибель ни близка,
 Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
 Зажегъ огонь сторожевой?
 Треща, краснѣя и сверкая,
 Кусты вокругъ онъ озарилъ.
 На камень голову склоняя,
 Лежитъ поодаль Измаиль.
 Его приверженцы хотѣли
 Идти за нимъ—но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
 Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
 Гдѣ мѣръ такъ юнъ, природа такъ богата;
 Но люди, люди—что природа имъ?
 Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
 Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
 Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
 За что бъ другой Творца благодарилъ,
 Все то ему дается въ наказанье...
 Но для терпѣнья ль созданъ Измаиль?
 Бываютъ люди: чувства имъ—страданья,
 Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;

Что бъ самовластье показать свое,
 Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
 Такъ древле въ море кинулъ царь алмазь;
 Но гордый камень въ свой урочный часъ
 Ему обратно отданъ былъ волнами...
 И дѣтямъ рока мѣста въ мѣрѣ нѣтъ;
 Они его пугаютъ жизнью новой,
 Они блеснуть—и сгладится ихъ слѣдъ,
 Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громо-
 Толпа дивится часто ихъ уму. [вой.
 Но чаще обвиняетъ, потому
 Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни но-
 Они пособій отъ рабовъ не просятъ: [сятъ,
 Хотя ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
 И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

„Безмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
 Слова любви, моленья красоты?
 Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
 Своей судьбы ты дѣтски испугался?
 Все прежнее, незнаемый молвой,
 Ты бѣ могъ забыть близъ Зары молодой,
 Забыть людей близъ ангела въ пустынь,
 Ты бѣ могъ любить, но не хотѣлъ—и нынѣ
 Картины счастья живо предъ тобой
 Проходятъ ускоряющей толпой:
 Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи
 Цѣлуешь въ упоеніи; ласки, рѣчи,
 Исполненные счастья и любви,
 Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый.
 Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ
 Еще недавно; всѣ мечты твои [было
 Такъ вѣроятны, что душа боится,
 Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
 А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?“
 Передъ огнемъ такъ думалъ Измаиль
 Вдругъ выстрѣлъ, два, и много: онъ вско-
 И слушаетъ... но все утихло снова. [чилъ,
 И говорить онъ: „это сонъ больнова!“

XX.

Души волненъ утомленъ,
 Опять на землю князь ложится,
 Трещить огонь и дымъ клубится...
 И что же? Призракъ видитъ онъ:
 Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
 На саблю опершись рукой,
 Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
 Печальный, блѣдный и худой.
 Спросить хотѣлось Измаилу:
 Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
 И свѣтъ дрожащаго огня,
 Упавъ на смуглыя ланиты,
 Черкесу придавъ видъ сердитый.
 —„Чего ты хочешь отъ меня?—
 Гостепріимства и защиты?“
 Пришлепъ безстрашно отвѣчалъ,
 „Свой путь въ горахъ я потерялъ: